

Все имена и события в произведении вымышлены, любые совпадения с реальными людьми случайны.

ГЛАВА 1

Март 1927 года

Рогожский уезд, Московская губерния

— Пошла вон! — тощий невысокий мужчина, в расшитой косоворотке, с редкими жирными волосами и с изрытым оспой лицом, вскочил, ударил по столу так, что тарелки подскочили. — Приживалка! Ты что вздумала, бездельничать?!

Девочка восьми лет в поношенной одежде стояла возле лестницы на второй этаж, опустив голову и сложив руки на животе.

— Ты посмотри на нее, — брызгая слюной, орал хозяин дома, — пригрели змею на груди. Ты понимаешь, дура, что продуктов на семь рублей испортила? Соли она не пожалела! Сама будешь это жрать вместе с очистками. Вон, ступай к себе, и чтобы я тебя не видел, мерзавка!

Девочка покорно пошла наверх, в свою каморку на чердаке — рядом с печной трубой в огороженном закутке было тепло, хозяин дома

любил уют и топил часто, не жалея дров. Она не плакала — к такому обращению за те два года, что жила в семье дальней родственницы, девочка привыкла.

Родственница проводила девочку равнодушным взглядом — сводного брата, от которого осталась сирота, она почти не знала. По мнению женщины, противная девчонка должна была быть благодарна ей по гроб жизни за то, что у нее была крыша над головой, ежедневные объедки со стола и кое-какая одежда. Другие дети вообще жили на улице и хорошо если раз в неделю ели досыта в коминтерновской столовой.

Еда была не то что сильно пересолена, просто у мужчины выдался сегодня непростой день. Зато следующий обещал быть куда лучше, полученные с последней продажи мануфактуры триста червонцев практически довели до нужной черты ту сумму, которую он держал в уме. Советская власть, отдавшая частным дельцам на прокорм собственные ресурсы, в последнее время закручивала гайки, дела вести было все труднее и опаснее. С одной стороны, к жирному куску подбирались урки и жиганы, с другой — фининспектор и прокурор, и неизвестно, кто больше откусит.

В дверь постучали.

— Это кто еще? — недовольно проворчала женщина. — Опять твои дружки?

— Сейчас посмотрю... — Мужчина встал, прошел в сени, отворил тяжелую, обитую с обратной

стороны железом дверь. И пятясь назад, вернулся в комнату.

— Ну что, Ефим, я слышал, ты сегодня в банке был, — гость был не один, вместе с ним в столовую вошли еще двое. — Все забрал, подчистую, как метлой прошелся. Сбежать решил, думал, мы не узнаем?

— Нет, что вы, даже в мыслях не было, вот те крест, — хозяин дома размашисто перекрестился, — долю вашу приберег и хотел еще в новую мануфактуру вложиться, все для дела, разве ж я могу чего замыслить.

Тем временем двое гостей подошли к женщине, та поднялась, недовольно глядя, и презрительно фыркнула. Один из прищельцев, недолго думая, заехал ей кулаком в живот, второй подхватил падающую хозяйку, заткнул ей рот грязной тряпкой и бросил на стул. Первый достал из сумки ремни, споро привязал женщину к стулу, ослабил.

— Готово, барин.

— Баре все в Париже, — главный неодобрительно покачал головой. — Ну что, Ефим, с кого начнем, с тебя или с нее? Бабу тебе свою не жалко?

Первый бандит хрюкнул, рванул на женщине платье, обнажая слегка отвисшую грудь.

— Делайте что хотите, не виноват я, — Ефим грохнулся на колени, попытался пустить слезу, та никак не хотела появляться, сколько ни моргал, а вот трясучка от страха тут как тут, аж судорогой тело свело. — Все до копейки отдам, только

не в доме деньги, идти надо. Захоронка в надежном месте, чтоб от татей подальше.

Главный усмехнулся, посмотрел на подельников.

— Врет, — уверенно заявил второй.

Он подскочил к стоящему на коленях хозяину, заломил тому руки назад, связал, заткнул рот. И, выхватив из кармана нож, полоснул по уху.

Ефим взвыл. Теплая кровь тонким ручейком потекла к шее, оттуда под ворот рубахи, обильно ее промачивая красным. Отрезанное ухо перед глазами подействовало куда лучше слов. Он раскололся за несколько минут, мало того, сам с сопровождающим сходил в подвал, подволакивая ногу с раздробленными пальцами, помог дрожащими руками отодвинуть камень, за которым лежала сумка с бумажными червонцами. И там же показал еще два схрона, с царским золотом и камушками.

— Все на месте, — доложил первый бандит, пересчитав деньги, — все тридцать тысяч.

— Кончай его, — распорядился главный. — Только без этих твоих шалостей.

— Девчонка тут еще была, — напомнил второй. — Сиротку к себе взяли. Если здесь, может заложить.

Первый достал топор, проверил лезвие на пальце. Хозяин дома пытался что-то сказать, вымолить, но только мычал и дергался, пока ему не раскроили череп.

— Я погляжу, — главный кивнул, направился к лестнице. — Сам разберусь.

— А с этой что? — первый подручный кивнул на женщину. — Вроде ничего еще, а? Позволь развлечься.

— Делайте что хотите, — равнодушно сказал главарь, ставя ногу на ступеньку. — Только чтобы без шума, не хватало нам тут незваных гостей.

Он прошелся по второму этажу, заглядывая в комнаты — там тоже было немало добра, потом его подельники пройдутся, осмотрят пристальнее, доберут. И подошел к узкой лестнице на чердак.

Девочка с чердака слышала неясный шум. Сначала говорили тихо, потом тетя закричала, коротко и пронзительно, и тут же затихла. Через некоторое время завыл хозяин, так страшно, что аж пробиравало до печенок. Девочка забилась в свой закуток, закуталась в рваное, сшитое из лоскутов одеяло, зажмурила глаза. И услышала, как кто-то прошелся по чердаку, скрипя половицами и заглядывая в каждый угол.

— Вот ты где, — услышала она голос. Глаза открывать не стала, съежилась, крохотная слезинка покатилась по щеке. И вдруг почувствовала на голове руку, та погладила ее по волосам.

— Не бойся, я тебя не трону, — негромко сказал незванный гость. — Только сиди тихо, договорились? А вниз лучше не спускайся, тебе такое рано еще видеть, дождись, когда милиция появится.

И ушел.

Май 1927 года
Москва

К десяти часам вечера солнце уже практически не освещало московские улицы, а тусклые фонари, висящие на столбах, не давали достаточно света, так что автомобиль с погашенными фарами, подкативший к дому номер три в Большом Гнездиновском переулке, в котором располагалось Московское управление уголовного розыска, на фоне темного здания был практически незаметен. Чадящий дым, вылетающий из чихающего глушителя, заставил часового чихнуть, но быстро рассеялся — ветреная погода с дождями стояла уже второй день. Редкие прохожие на машину внимания почти не обращали, через десять лет после революции автомобилем москвичей удивить было трудно — по Москве вовсю уже катались четырехколесные экипажи, закупленные городом у французской компании «Рено», постепенно вытесняя извозчиков и распугивая их лошадей визгливыми звуками клаксонов.

Машина объехала здание и остановилась у неприметной двери, возле которой тоже стоял часовой. Со стороны водительского сиденья вылез молодой человек, высокий — если считать по декрету 1918 года в сантиметрах, рост его был 192 сантиметра, ну а если в старорежимных единицах — два аршина и одиннадцать с небольшим вершков, светловолосый, с серыми глазами и тяжелым подбородком. Крепкого телосложения, с широкими плечами, подтянутый, одетый в штатское, с охотничьим значком на лацкане

кожаного пиджака, и в бриджи, заправленные в яловые сапоги. На шее висел шлем с большими очками, а на кожаном ремне — кобура с командирским наганом.

С заднего сиденья выпрыгнули еще двое, пониже ростом и без шикарных шлемов, тоже со значками, только уже комсомольскими, кое-как достали один деревянный ящик, поставили на землю, следом за ним появился второй, полегче.

Молодой человек отогнул лацкан, демонстрируя часовому треугольный значок с красной эмалевой окантовкой и личным номером, без натуги подхватил верхний ящик, двое его сопровождающих ухватили второй.

— Ты уж присмотри, товарищ, будь добрый, — водитель кивнул на авто. — Просто так не увольочь, но пригляд не помешает, машина казенная.

Часовой важно кивнул. Молодого человека он знал.

Троица зашли в дом, когда-то принадлежавший коллежскому советнику Еропкину, а следом за ним известному драматургу и инспектору Императорских театров Тарновскому, отметились на посту; двое сопровождающих вместе с ящиками прошли в небольшую комнату и там заперлись, а молодой человек со шлемом легко взбежал по мраморной лестнице, хранившей дореволюционное великолепие, на третий этаж и, пройдя через пустую в это время суток приемную, зашел в небольшой кабинет, значительную часть которого занимал массивный стол. В кабинете тут же стало тесновато.

— Товарищ начальник Московского управления угро, агент второго разряда Травин по вашему приказанию прибыл.

За столом сидел лысеющий человек средних лет, с небольшими усиками, в гимнастерке с тремя ромбами на петлицах и двумя орденами — Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, двух высших наград РСФСР.

— Груз с собой? — устало спросил он.

Агент Травин кивнул.

— Ладно, что там у вас? — начальник МУУРа Василий Васильевич Емельянов вздохнул. — Из-за чего так Осипов переполошился?

— Банду Крапленого взяли наконец-то... — Сергей продолжал стоять, хотя рядом со столом стояли два стула для посетителей. — Ну ты помнишь, те самые налетчики, которые кассиров губернского банка расстреляли этой зимой, а на прошлой неделе магазин с мехами обнесли, который на Моховой. На малине их повязали, сволочей, всех шестерых, двоих, правда, утихомирить пришлось, зато четверо живы. У нас почти без потерь, одного из дружинников подстрелили, Кошевого, но выживет, ранение легкое.

— И что такого важного вы у Крапленого нашли, что Николай Филиппович вызвонил меня на ночь глядя?

— Так гляди, Василь Василич, — Травин покопался в наплечной сумке, выложил на стол револьвер с коротким стволом. — Американские, только в этом году начали производить. Называются — «кольт детектив спешал», вроде как по-

лицейские их носят незаметно. Откуда-то у этих мокрушников иностранное оружие появилось, причем новое, неотстрелянное. Значит, есть канал контрабанды, туда наверняка золотишко утекало, обратно — кнуты¹. Кроме этого, там еще апельсинов² целый ящик, бельгийских. Тыльнер к ним на хазу поехал с бригадой, там у них главный схрон, а меня сразу к тебе отослали, Филип-пыч сказал, что это дело политическое.

— Сколько таких револьверов нашли? — начальник взял один, повертел в руках. — Удобный, можно носить скрытно, и ствол не надо отпиливать. Нам бы такие.

— Почти четыре дюжины. И апельсинов, то есть гранат, штук пятьдесят.

— Однако. Значит, точно на продажу завозили. Себе сколько взял?

— Обижаете, товарищ начальник.

— Травин! Давай без этих твоих фокусов.

— Один, — Сергей вздохнул, полез в карман, достал такой же кольт, как тот, что уже лежал на столе, но отдавать не спешил. — Красивая вещица, не удержался.

— Гранату тоже как сувенир взял?

— На хрен она мне, пока размахнешься, сто раз подстрелят. То ли дело пистолет. Для дела же, Василь Василич, не для себя.

¹Кнуты — револьверы (здесь и далее воровской жаргон в основном приведен из «Словаря жаргона преступников», сост. С. М. Потапов. М., 1927).

²Апельсины — гранаты.

— Ладно, оставь, только не свети им пока, оформим тебе как служебное. Где задержанные?

— В отделении, под охраной сидят, сюда везти не стали пока. Там казематы еще царские, замки — рулеткой не открыть. А на малине засада, покупателя ждут, с минуты на минуту объявиться должен.

— Хорошо, — начальник снял телефонную трубку. — Науменко, соедини-ка меня с Артузовым, да поскорее.

— Артур Христианович, привет, Емельянов беспокоит из МУУРа. Узнал? Чего так поздно? А есть повод. Ребята мои банду взяли, так там вещички интересные, аккурат по твоей части, ты уж, будь добр, пришли кого-нибудь. Сам будешь? Да, только что вернулся, а тут такие события. Жду. Бандиты? В Сокольниках сидят, в райуправлении. Хорошо, сейчас распоряжусь.

Он кивнул Травину, не отрывая трубки от уха.

— Потапов? Охрану к грузу распорядись усиленную, который внизу, и чтобы смотрели в оба. А теперь обратно на коммутатор переведи. Дай-ка мне Осипова, он в Сокольниках сейчас.

— Николай Филиппыч, Крапленный не сбежал еще? Ладно-ладно, Травин вот здесь, доложил уже. Значит, слушай, через двадцать минут, а то и раньше, у тебя будут ребята из ОГПУ, сразу им бандитов не отдавай, оформи все как положено. Надоели уже? Ты уж потерпи, только смотри, не напортачь.

Емельянов положил трубку, посмотрел на Травина.

— Если и вправду канал контрабанды нащупали, начальник твой может дырку под знак крутить. Ну и тебе дадут какую-нибудь цацку.

Травин насупился и тяжело задышал. По его мнению, отдавать свежевывловленных бандитов другой службе было неправильно — Крапленого выслеживали почти три месяца, одного агента, который в банду внедрил, подвесили на дереве прямо в сквере напротив Курско-Нижегородского вокзала и еще живому выпустили кишки. Будь воля Сергея, бандиты бы сейчас не в Сокольниках прохлаждались, а лежали трупами там же, где их обнаружили.

— А ты что хотел? Раз живыми привезли, дальше все по законам республики. И да, хорошо, что ты приехал, а не кто-то другой, я уже сам собирался тебя вызвать под каким-нибудь предлогом, — начальник полез в ящик стола, достал оттуда лист бумаги, положил рядом с собой текстом вниз. — Ты сколько в угро служишь, год почти?

— Одиннадцать месяцев.

— Как тебе Тыльнер?

— Отличный парень. Грамотный, цепкий, под пули лезть не боится. Ты к чему это, Василь Василич?

— То, Сергей, что вы с ним одноклассники. А ума у Георгия Федоровича в сто раз больше, он в сомнительные дела не влипает и где надо осторожность проявляет. Давай, читай, ты же у нас грамотный.

Сергей развернул сложенный вчетверо лист, исписанный четким ровным почерком.

— Начальнику МУУР Емельянову Василию Васильевичу, — начал он. — Это чего за писулька такая?

— Читай.

— Заявление. Довожу до Вашего сведения, что агент угро Травин Сергей Олегович есть недобитая контра, обманом проникшая в органы. Сволочь эта беляцкая происхождение имеет самое что ни на есть эксплуататорское. Отец его, купец первой гильдии Олег Травин, держал в Выборге завод и рабочих угнетал, а как социалистическая революция победила, драпанул в Америку подальше от народного гнева... Что, правда целый завод?

— Завод, завод, — кивнул Емельянов. — Читай дальше.

— В 1919 году этот Травин воевал на стороне белофиннов в нашей Советской Карелии и только из-за уничтожения документов смог избежать справедливого наказания. — Травин хлопнул по бумажке. — Василич, грамотный человек писал, смотри, как фразы строит. Косит под люмпена, но ведь прорывается же у него гниль интеллигентская!

— Ты читай, Сережа.

— После войны эта контрреволюционная гнида обманым путем проникла в ряды доблестной рабоче-крестьянской милиции и до сих пор скрывает свою гнилую сущность, маскируясь под честного агента московского угро. Прошу разобраться и вывести на чистую воду. Агент третьего разряда Иосиф Соломонович Беленький.

Погоди, это же тот Йося Беленький, бывший делопроизводитель, который сейчас у нас сидит фотографом? Я-то чем ему навредил?

— Это я уж не знаю, с чего он на тебя взелся. Может, жену ты у него увел или мотоцикл твой ему понравился, на котором ты везде раскатываешь. Но, скорее всего, не сам он это придумал, подсказал кто-то. Потому что ты, Сережа, пиджон — на мотоциклетке по Москве рассекаешь, с сомнительными людьми дружбу водишь, по кино шастаешь, а в пивнушку не заглядываешь.

— Ты же знаешь, что все это неправда, — Травин перестал дурачиться, серьезно поглядел на начальника. — Василич, у меня к белофиннам свой счет, как я мог им помогать? Ты-то этому не веришь, так?

— Ты еще Расскажи всем, друг мой, что и не купец вовсе. Если бы ты мальчонкой у нас в авиаотряде не околачивался всю империалистическую, стал бы я с тобой возиться, сам посуди. Я ж тебя с тринадцати лет как облупленного знаю. И остальное тоже помню, про происхождение твое и про то, как финны твою невесту в Выборге порешили, после чего ты на фронт мстить отправился. Так?

Травин насупился и не отвечал.

— Молчишь? Правильно, сказать-то нечего. Слушай, что умный человек тебе скажет, сложные времена наступают. Скоро реорганизация начнется, наш угрозыск выводят из ЦАУ и передадут в прямое подчинение в наркомат. Начнутся новые чистки, как в двадцать четвертом, и всех

бывших, кого тогда в органах оставили, в этот раз уже не пропустят. А там и меня сместят, некому будет тебя прикрывать по вот таким вот ложным доносам. Может, и правда тебе лучше в ремонтных мастерских было оставаться и не переходить в угро, там, среди работяг, поспокойнее.

— Так и сместят?

— Отправят на хозяйственную работу, — кивнул Емельянов. — На ответственную должность. Вопрос уже решенный, может, до дня революции, но скорее всего — зимой. Новое начальство придет, будет все дела проверять, тогда и за тебя ухватятся, и Беленького этого вспомнят, и других — ты же выеживаешься, а таких у нас не любят. Вон как сейчас записку эту читал, гладенько, почти на бумагу не глядя, а не по складам, водя пальцем по строчкам. А в свободное время? Нет чтобы, как все нормальные люди, выпить, погулять, морду кому набить по пьяни, ведешь себя так, что прям белая кость торчит.

— Не берет меня водка, организм такой, — Травин покачал головой. — Чего ценный продукт переводить.

— Ты бумажку-то мне верни, ей еще ход давать. Сейчас недосуг, но через неделю будем разбираться, кто тут контра недобитая.

— Да чего уж там, — Сергей отдал донос. — А Беленького я прикончу. Эта падла на задержания иногда выезжает, хоть и трясется, как заяц. Правильно делает, против судьбы не попрешь, настигнет его случайная бандитская пуля.